

В. Г. Белинский

**Руководство к познанию
новой истории для
средних учебных заведений**

Виссарион Григорьевич Белинский

Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806485*

Аннотация

Статья примыкает к двум предшествующим статьям Белинского на историческую тему – о «Руководстве к всеобщей истории» Ф. Лоренца и об «Истории Малороссии» Н. Маркевича – и развивает их основные положения. Во всех трех статьях достаточно прозрачно для подцензурной печати высказана мысль о необходимом социалистическом переустройстве общества в будущем. Современный период рассматривается – это нередко является у Белинского в статьях середины 1840-х гг. – как период переходный, когда человечество «уже начало понимать, что оно – человечество». И «скоро захочет оно, – по словам Белинского, – в самом деле сделаться человечеством». С этого момента начнется «история, в истинном значении этого слова».

Содержание

Примечания
Комментарии

48

Виссарион Григорьевич Белинский

Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений

*сочиненное С. Смарагдовым, адъюнкт-
профессором императорского Александровского
лицея. Санкт-Петербург. 1844.*

Труд г. Смараглова кончен: перед нами последний том его всеобщей истории для учебных заведений. Это дает нам возможность высказать свое мнение о его достоинстве, как о целом и полном произведении. Читателям известно, что мы встретили первые два тома истории г. Смараглова с тем радушным вниманием, которого заслуживает все, что хотя несколько выходит за черту обыкновенного, в чем виден порыв к новому и лучшему, видно стремление выйти из старой, избитой колеи, по которой так весело и раздольно прогуливаться ленивой привычке и тупоумной посредственности. Скажем более: труд г. Смараглова, так неожиданно явившийся на смену истории г. Кайданова, которая с удивительною назойливостню совсем было решилаь на роль вечного

жида в нашей учебной литературе, – труд г. Смараглова произвел в нас чувство, скорее похожее на увлечение, чем на нерасположение или холодное равнодушие. Кроме уже упомянутого нами обстоятельства, причиною этого было и то, что первый том истории г. Смараглова вышел прежде первого тома истории г. Лоренца, равно как и средняя его история появилась тоже прежде средней истории г. Лоренца. Впрочем, несмотря на то, что история г. Смараглова далеко уступает истории г. Лоренца, – она имеет свое неоспоримое достоинство и есть важное приобретение для нашей учебно-исторической литературы, столь бедной хорошими сочинениями. Хотя один ученый и справедливо упрекнул среднюю историю г. Смараглова в значительных недостатках и даже промахах^[1], тем не менее в *нашей* литературе она имеет полное право на снисходительное внимание, особенно если сообразить, что средняя история и в самой Европе менее разработана приведена в стройный вид, чем древняя и новая. По всему этому, мы с особенным нетерпением ожидали выхода «Новой истории» того же автора – ожидали ее, как подтверждения надежд, которые подал о себе новый сподвижник на трудном и скользком поприще учебно-исторической литературы, или... если не как разрушения, то как охлаждения этих надежд. Новая история по преимуществу есть пробный камень всякого исторического таланта: в ней более, чем в древней и средней, должны обнаружиться все симпатии, верования, все беспристрастие и вместе с тем весь эн-

тузиазм, вся живая человеческая сторона историка. Прежде нежели скажем мы, оправдала или не оправдала надежд наших новая история г. Смараглова, считаем за нужное вновь изложить наше воззрение на историю, как на *современную* науку, чтоб читатель видел, на чем опираются наши требования от всякого исторического учебника, а следовательно, и от истории г. Смараглова.

Самое простое определение истории состоит в ограничении круга ее содержания историческою верностью в изложении фактов. Вследствие этого определения историк должен быть свободен от всяких требований со стороны критики, если он хорошо знает и верно передает события. Многие действительно так смотрят на историю. Вследствие этого они упорно отрицают всякое вмешательство в изложение событий со стороны того, что называется мнением, взглядом, понятием, убеждением и – больше всего – философией), потому что, по их мнению, все это только затемняет и искажает действительность фактов, нарушает святость исторической истины. В подтверждение своего мнения они с торжеством указывают на тех историков, особенно немецких; которые пишут историю по идее, заранее принятой ими, и, желая во что бы ни стало уложить факты на прокрустово ложе своего воззрения, поневоле искажают их. В самом деле, таких историков было очень много, и то, что ставят им в недостаток, действительно не есть достоинство. Но вот вопрос: может ли верно изложить исторические факты человек, чуждый ка-

кого бы то ни было своего воззрения на них? Может, если под исторической истиною фактов должно разуметь только географическую и хронологическую истину. В таком случае превосходных историков можно было бы считать чуть не тысячами, ибо что за диво, при трудолюбии и вульгарной эмпирической учености, не только изучить, но и выучить наизусть множество летописей и других не подверженных никакому сомнению исторических источников? Ведь были же чудачки, у которых доставало терпения сосчитать, сколько букв находится в Библии? Мудрено ли узнать, в каком государстве, в каком веке родился, жил и умер Александр Македонский, уметь по пальцам рассказать, что он делал изо дня в день? Разве невозможное дело – перечесть по сту раз каждого из древних и новых писателей, который написал об Александре Македонском десять томов или десять строк, сличить и поверить между собою всех этих писателей; наконец, изучить критическую достоверность всех даже малейших фактов из жизни этого колосса древнего мира? Мы не говорим, однако ж, чтоб это было легко и чтоб подобная эрудиция не стоила никакой цены: нет, эта эрудиция непременно должна составлять одно из средств историка, но не более, как *одно* из других средств; кто способен остановиться на одном этом, тому не диво сделаться чудом учености и превратить свою голову в огромную библиотеку, в которую весь свет может ходить за справками. Это тем возможнее, что тут требуется очень немного ума и очень много терпения и мелочной пе-

дантской копотливости. И вот, положим, что такой-то господин приобрел себе эту огромную фактическую ученость и без запинки, может вам ответить, в каком году, какого месяца и числа родился Александр Македонский, на которую сторону кривил он шею, какого цвета были его глаза, на котором плече была у него родинка (если только она была) и, наконец, что делал он на двадцать четвертом году от своего рождения, в феврале месяце, седьмого числа, чрез час после обеда. Положим, что этот господин терпеть не может философии и благоговеет только перед одною неопровержимою достоверностью фактов, считая за грех сметь сохранять свою личность при изображении великих событий прошедшего. Неужели вы думаете, что если он возьмется написать историю, то это непременно выйдет самое правдивое сказание о делах народов и лиц. исторических? – Нет, и тысячу раз нет: в его истории вы найдете гораздо менее исторической истины, чем в истории, отличающейся даже умышленным искажением фактов в пользу какого-нибудь одностороннего и пристрастного воззрения. Холод и беспристрастное упоминание о неопровержимо достоверных фактах – единственное достоинство истории выставленного нами для примера «ученого» – может представить вам хорошо составленный исторический словарь. Вы скажете: словарь – не история, потому что в истории факты представляются в исторической связи и последовательности. В том-то и дело, что в истории, о какой мы здесь говорим, факты излагаются не в историче-

ской, а только в хронологической связи и последовательности, и вследствие этого они хуже, чем искажены, – они лишены всякого смысла, и кто обогатил бы себя познанием их из такой книги, тот ни на шаг не подвинулся бы вперед в знании истории, хотя бы до того времени он совершенно не имел никакого понятия об этой науке. Все это происходит оттого, что есть не только изложение событий, но и суд над событиями, – не потому, впрочем, чтоб историк непременно хотел судить о них, но уже потому только, что он взялся излагать их. Объясним это примером. Если кто-нибудь начнет рассказывать в обществе о каком-нибудь важном, хотя и частном происшествии, случившемся с каким-нибудь лицом, – чем необыкновеннее это происшествие, тем скорее слушающие спросят рассказчика, почему же лицо, о котором он рассказывает, сделало то, а не это, или поступило так, а не иначе? Естественно, если рассказчик откажется от всякого объяснения, тогда как ему стоило бы только сказать, что за человек, о котором он рассказывает, какого он характера, образования, в какие обстоятельства поставило его воспитание, образ мыслей, наклонности, привычки и т. д., – то слушающие ровно ничего не поймут в происшествии, как бы ни было оно интересно само по себе; а эта потребность *понять* – так врожденна людям и присуща их натуре, что они всегда готовы лучше удовлетвориться какою-нибудь даже ни на чем не основанною догадкою, нежели принять факт, как он есть, в его бессмысленной достоверности. Если же рассказ-

чик скажет хоть одну фразу вроде следующих: «Я думаю, это произошло оттого», или: «Этого не случилось бы, если б», – он уже не просто рассказывает происшествие, но и судит о нем. Если же он умел без всяких объяснений и суждений рассказать так, что все поняли естественность необыкновенного происшествия, – явный знак, что *суждение* играло в его рассказе гораздо большую роль, нежели как это может показаться с первого взгляда: оно скрывалось в самом рассказе, проникало его, давало ему смысл и характер; очевидно, рассказчик вник в причины происшествия и уже составил о нем свое понятие. Разумеется, чем ближе это понятие к истине, тем оно лучше, и наоборот. Но, во всяком случае, *личность* рассказчика играет тут большую роль: как скоро рассказывающий обнаружил суждение, он вместе с ним обнаружил и себя: свой взгляд на вещи, свое образование, даже свой характер. Все живое имеет множество сторон, и один схватывает только одну сторону предмета, другой – две стороны, третий несколько, четвертый множество сторон. Каждый из них прав в отношении к той стороне предмета, которая ему доступнее, хотя, может быть, через это самое не прав в отношении к другим сторонам того же предмета. Но кто, видя предмет, не смотрит на него ни с какой точки зрения, тот немного выиграл тем, что у него есть глаза. Если такой человек заговорит о предмете, который он видит, – он будет не чем иным, как зеркалом, и притом еще косым, говорящею машиною, – а известно, как называются люди, не имеющие

другого значения, кроме машины...

Каким образом, при всей добросовестности, при всем усердии к верной передаче фактов, каким образом историк расскажет верно, например, о крестовых походах, не входя в суждение о смысле и значении этого великого события? И много ли узнаем мы от него, если он скажет, что крестовые походы начались в XI столетии, продолжались до XIV и сопровождались такими-то и такими-то обстоятельствами? Нет, мы захотим еще знать, почему крестовые походы могли занимать Европу только до XIV века? и почему они сделались уже совершенно невозможны в XV и следующих столетиях? Если историк ответит нам, что то было религиозное время, – мы спросим его, почему же религиозное движение, которое в XI веке произвело крестовые походы, почему то же самое религиозное движение в XVI веке произвело реформацию? Ведь такие события не могли же быть случайными, но были результатами необходимых причин? Безграмотный матрос, объехавший на корабле кругом света, знает, что есть страны, где почти не бывает лета, и есть страны, где зима похожа на теплую осень; конечно, он знает больше того, кто думает, что весь мир, как две капли воды, похож на захоlustье, в котором он живет безвыходно; но можно ли назвать это знанием, если оно соединяется с совершенным незнанием причин разности климатов, объясняемых математическою географиею? Такие матросы есть и между людьми грамотными и даже «учеными»; – и вот они-

то так не любят философии в истории. Величайшая слабость ума заключается в недоверчивости к силам ума. Всякий человек, как бы ни был он велик, есть существо ограниченное, и в нем самая гениальность идет об руку с ограниченностью, ибо часто могущий и глубоко проникающий в одном, он тем менее способен понимать другое. Да, ограничен разум человека, но зато безграничен разум человеческий, то есть разум человечества. И между тем все постигнутое человечеством – этою идеальной личностью, постигнуто ею через людей, через личности реальные. Дело в том, что в процессе общечеловеческой жизни все ложное и ограниченное каждого человека улечивается, не оставляя по себе следа, а все истинное и разумное дает плод сторицею. Многим современным Александру Македонскому народам стоила рек крови и слез его героическая страсть к славе; нам она теперь ровно ничего не стоит, а между тем благодаря ей мы сделали наследниками всех сокровищ древней цивилизации и мудрости, которая пришла догорать своим последним светом в столице Птолемеев. Скажем более: в процессе общечеловеческой жизни нередко обращается в полезное и благое даже то, что имело своим источником ложь или корыстный расчет: искание философского камня положило основание важной науки – химии и обогатило ее открытиями великих таинств природы; своекорыстная и коварная политика Лудовика XI была источником одного из благодетельнейших учреждений для человеческого рода – постоянных по-

что. Это же самое можно применить и к попыткам человеческого ума – сделать науку из биографии великого лица, называемого человечеством. Несмотря на бесконечную противоречивость во взглядах на один и тот же предмет, несмотря на всю односторонность, происходящую от пристрастия и от ограниченности, – словом, несмотря на то, что до сих пор нет двух исторических сочинений, сколько-нибудь замечательных, которые были бы вполне согласны между собою в изложении одних и тех же событий, – в истории тем не менее уже есть свои незыблемые основания, есть идеи, получившие значение аксиом. Ибо все, что в исторических трудах, является ограниченностью разума *человека*, – все это, так сказать, исправляется и пополняется разумом *человечества*. С этой точки зрения самая ограниченность нравственная отдельных личностей делается источником и причиною безграничности разума человеческого и торжества истины. Слепленный, фанатический католик пишет, например, историю реформации: если он человек с умом, знанием и талантом, его история, несмотря на ее явное, вопиющее пристрастие, не может не быть полезною, потому что самый дух парциальности, одушевляющий его, заставит его найти и вывести наружу хорошие черты умиравшего католицизма, равно как и не говорящие в пользу протестантской партии факты, с умыслом скрытые или искаженные слепыми поборниками лютеранизма. Так же точно способствует тому же самому торжеству истины и протестантский писатель, одушев-

ленный слепую ненавистью к католицизму и слепым усердием к своей партии. Ложная сторона таких сочинений уже по самой своей очевидности бессильна исказить истину; ложь скоро умирает: она носит сама в себе смерть с минуты своего рождения, – а истина остается. Но из этого не следует, чтоб все исторические сочинения писались односторонно и пристрастно: мы хотели только сказать, что даже самые односторонние и пристрастные сочинения часто служат к торжеству истины. Являются, хотя и не так часто, умы светлые и возвышенные, – умы, которые умеют примирить в себе любовь к своему убеждению не только с беспристрастием, но и с уважением к противникам, – словом, которые, умея быть поборниками известной партии, гражданами той или другой земли, умеют быть в то же время и людьми – членами великого семейства рода человеческого. Если это благородное и многостороннее беспристрастие ума, свидетельствующее о великом сердце, соединяется с высоким талантом или гениальностью, тогда в трудах этих людей история приобретает все достоинство науки, сколько важной по своему назначению, столько и незыблемо твердой по своим непреложным началам, не зависящим от произвола людских страстей и ограниченности. Ничего совершенного не может произвести ум человеческий, и часто из самых достоинств его труда необходимо оказываются, как обратная сторона, и его недостатки; но более или менее близкое к совершенству есть, без сомнения, одно из неотъемлемых прав ума человеческого.

И для чего же на одном и том же поприще действует много людей с различными характерами и свойствами, если не для того, чтоб ошибки или недостатки одного были поправлены и восполнены другим и чтоб все истинное и прекрасное каждой личности возложилось на алтарь человечества, а все ложное или недостаточное сгорело в очистительном огне жертвенника? Беспристрастие есть столько же свойство духа человеческого, сколько и пристрастие; в этом могут сомневаться только умы низкие, которые все на свете меряют собственной низостью. Этим особенно отличаются скептики по заказу, которые гордятся своим неверием во все истинное и великое, как древние циники гордились своею животного неопрятностью. В их глазах всякий порыв ума к истине есть не что иное, как новое усилие дать вид истины новой лжи, из корыстного расчета или из мелкого самолюбия. В их глазах история есть сплетение лжей, выдуманных страстями человеческими для собственного оправдания или для выгодной спекуляции. Таких людей не переспоришь, да они и не стоят спора. Менее их виновны, но еще более их жалки те слабые умы, которые для веры требуют знамений, и только тогда пламенно признают истину, когда даже внешние обстоятельства способствуют ее торжеству и право даже материальной силы на ее стороне; но лишь только настало время зла и лжи, но лишь только современная действительность вручила жезл силы врагам истины и добра, – эти добрые энтузиасты, далекие, впрочем, от того, чтоб перейти на сторону тьмы, тем

не менее отчаиваются в достоверности и действительности того, что считали недавно своим кровным убеждением! В малодушии своем они готовы всякую истину признать призраком своей фантазии, обманом своего сердца, заблуждением ума; не имея силы пристать ни к той, ни к другой стороне, они начинают заводить жалобные иеремиады о горьком разочаровании, о слабости человеческого ума, о блаженстве веры в какую-нибудь сладенькую фантазию собственной их работы, которую они добродушно предлагают всем, как спасительный якорь на треволненном море жизни.

Вера в идею составляет единственное основание всякого знания. В науке должно искать идеи. Нет идеи, нет и науки! Знание фактов *только потому* и драгоценно, что в фактах скрываются идеи; факты без идей – сор для головы и памяти. Взор натуралиста, наблюдая явления природы, открывает в их разнообразии общие и неизменные законы, то есть идет руководимый идеею, он в классификации явлений природы видит уже не искусственное облегчение для памяти, но постепенность развития от низших родов до высших, следовательно, видит движение, жизнь. Неужели же явления общечеловечности, составляющей необходимую форму жизни человека, менее интересны, менее разумны, нежели явления природы? Были и есть скептики, которые утверждали и утверждают, что природа произошла случайно, от каких-то атомов, которые бог весть откуда произошли; но уже давно перевелись скептики, основывавшиеся на обмане чувств, от-

рицавшие порядок, гармонию и неизменность законов, по которым существует природа. Неужели же человеческое общество – это высшее проявление разумности высшего явления бессознательной природы человека, – неужели общество возникло из случайности и управляется случайностью? И между тем есть люди, которые думают так, может быть, сами того не зная, что они так думают! Ибо отвергать возможность истории как науки значит – отвергать в развитии общности неизменные законы и в судьбах человека ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола слепого случая. Пока фактические знания находились еще в колыбели, простительно было так думать; но когда знание фактов открыло между ними связь и последовательность, а философия открыла смысл и значение этой связи и последовательности, показав в них развитие и прогресс, – тогда возможность истории как науки и ее великое значение могут быть закрыты только для одного слабоумия или наглого шарлатанства, которое в парадоксах, более бесстыдных, чем смелых, ищет жалкой известности, способной удовлетворять мелкое самолюбие...^[2]

История есть наука нашего времени, и потому наука новая. Несмотря на то, она уже успела сделаться господствующею наукою времени, альфою и омегою века. Она дала новое направление искусству, сообщила новый характер политике, вошла в жизнь и нравы частных людей. Ее вопросы сделались вопросами жизни и смерти для народов и для част-

ных людей. Это *историческое* направление есть великое доказательство великого шага вперед, который сделало человечество в последнее время на пути совершенствования: оно свидетельствует, что отдельные лица начинают сознавать себя живыми органами общества – живыми членами человечества, и что, следовательно, само человечество живет уже не объективно только, но как живая, сознающая себя личность.

Есть две истории: одна непосредственная, другая сознательная. Первая – это сама жизнь человечества, из самой себя развивающаяся по законам разумной необходимости. Вторая – это изложение фактов жизни человечества, история писанная – сознание истории непосредственной. Все разумное имеет свою точку отправления и свою цель; движение есть проявление жизни, цель есть смысл жизни. В непосредственной жизни человечества мы видим стремление к разумному сознанию, стремление – непосредственное сделать в то же время и сознательным, ибо полное торжество разумности состоит в гармоническом слиянии непосредственного существования с сознательным. Жизнь животного также подчинена неизменным и общим законам природы; но животному не дано наслаждаться сознанием своего существования, не дано видеть и разуметь себя не только как нечто в самом себе, но и как вне себя пребывающее. Животное чувствует свою *особность* от окружающих его предметов, чувствует свою *индивидуальность*, но у него нет личности, оно не может сказать себе: *мыслью, следовательно, су-*

щество»^[3]. Непосредственная жизнь имеет свои ступени и является то низшею, то высшею, но законы ее везде одинаковы: человек и в непосредственности бытия своего выше животного, но вполне человеком он может быть только как существо сознательное. Гегель сказал: «Человек есть животное, которое потому уже не есть животное, что оно знает, что оно – животное». «Для ума поверхностного это определение может показаться философским каламбуром; дюжинные остряки, пожалуй, назовут его еще и туманным, а гордое собою невежество увидит в нем худощаво-мудреное немецкое слово^[4]. Спорить с этими господами мы не имеем ни времени, ни охоты. Мыслящие люди поймут всю глубину этого выражения, по-видимому, весьма простого, но резко и определенно схватывающего великую мысль.

В самом деле, дикарь, пожирающий тело убитого им врага, не потому ли именно есть зверь, что он не знает, что он зверь? Если б его грубое понятие озарилось сознанием, что он – зверь, тогда, если б он и не перестал быть зверем, для него все-таки явилась бы возможность перестать быть зверем. Это можно применить ко многому. Для которого из двух злодеев предстоит больше возможности сделаться добрым: для того ли, который сознает, что он злодей, или для того, который в своем злодействе видит законную форму жизни и даже гордится им, как доблестью? Дело только в том, что под сознанием не должно разуместь одного холодно-логического процесса мысли, но страстное, переходящее

в жизнь убеждение. Полнота жизни человека должна состоять в равномерном участии всех сторон его нравственного существования. В мысли без чувства и в чувстве без мысли виден только порыв к сознанию, половина сознания, но еще не сознание: это машина, кое-как действующая половиною своих колес, и потому действующая слабо и неверно.

Мы знаем, что во времена глубокой древности и даже среди грубых, невежественных народов являлись гениальные личности, возвышавшиеся до значительных ступеней человеческого сознания. Но человек не есть сам себе цель: он живет среди других и для других, так же как и другие живут для него. Народ – тоже личность, как и человек, только еще высшая; человечество – та же личность, что и народ, только еще высшая. Итак, если цель жизни каждого человека, отдельно взятого, – сознание, то что же, если не сознание, должно быть целью существования и каждого народа и всего человечества? Это тем яснее, что, как бы ни велик был человек, народ всегда выше его, и соединенные усилия многих людей всегда превзойдут в своих результатах его усилия.

А между тем мы видим, что доселе успехи сознания состоят только в том, что от индивидуумов они перешли к условиям. Следовательно, человечеству предлежит пройти на пути совершенствования или сознания еще более длинный путь, нежели какой оно прошло уже; но этот путь будет уже более прямой и широкий; а это уже много – из чащей и дебрей выйти наконец на большую дорогу. Вот почему мы ви-

дим великий успех человечества в историческом направлении нашего века. Если человечество уже начало сознавать себя человечеством – значит, близко время, когда оно будет человечеством не только непосредственно, как было доселе, но и сознательно. И начало этого сознания оно могло почерпнуть только в истории.

История на Востоке и доселе есть сказка, ибо она там не отделилась еще от поэзии. Говоря собственно, на Востоке и не может быть истории: историю может *писать* только тот народ, который своею жизнью *делает* историю, то есть наполняет массу *разумных*, а не *случайных* событий, составляющих содержание истории; а Восток умер в младенчестве, в то время, когда его сознание могло выражаться только в поэзии. У древних была история, но в их духе и удовлетворительная только для них. Они умели с дивным художественным искусством излагать события; умели даже видеть их в органической связи и последовательности; но у них не было (и не могло быть) идеи о прогрессе, о развитии человечества. Грек и римлянин видели человечество только в самих себе, а все, что не было греком и римлянином, они называли варварами. Созерцание, лежавшее в основании их истории, было чисто древнее, трагическое, в котором преобладала мысль о борьбе человека и народов с роком и победе последнего над первыми. Древние носили в душе своей темное предчувствие недолговечности форм своей жизни, – и отсюда их понятие о мрачном царстве судьбы, которой тре-

петали даже самые боги их. Такое тесное воззрение не могло возвыситься до истории как науки, и потому история у древних была только искусством и принадлежала к области красноречия. Истинное понятие об истории могло возникнуть только у христианских народов, которых бог есть бог всех людей, без различия национальностей. И однако ж эта идея о человечестве, составляющая душу и жизнь истории и возвысившая ее до значения науки, явилась недавно, а развилась еще позднее. Знаменитая речь гениального Боссюэта о всеобщей истории (появившаяся в 1681 году)^[5] была первым сочинением, которое навело на мысль – подводить все исторические события под одну точку зрения, искать в них одной идеи. Это была идея еще только в зародыше, и ее развитие началось с прошлого века (Вико, Кант, Шлецер, Гердер) и быстро идет в настоящем веке. Мы разумеем здесь только теоретическое развитие этой идеи, и в этом отношении едва ли кому она так много им обязана, как Гегелю. Разумеется, и практика не осталась без попыток уравниваться с теориею, и теперь история, чуждая идеи прогресса, никем не будет признана в достоинстве истории. Однако ж должно сказать, что в этом отношении теория далеко опередила практику, и идеал истории, ясный и определенный в сознании, до сих пор не осуществлен фактами. Если что-нибудь было замечательного по части исторических опытов, так это или история отдельных народов, или изложение какой-нибудь отдельной эпохи из всеобщей истории. Лучшие истори-

ки – английские и французские; но их имен немного: Юм, Робертсон, Гиббон, Гизо, Тьер, Мишле, Барант, Тьерри; первые три принадлежат прошлому столетию, а последние – нынешнему. Из немцев замечательны: Иоганн Мюллер, Шиллер, Раумер, Ранке и Лео. Нельзя не сознаться, что это число слишком невелико. Что же касается до попыток написать всеобщую историю, то здесь не на что и указать, кроме трудов Роттека и Шлоссера^[6], особенно последнего, – трудов более замечательных, чем удовлетворительных. Причина этого очевидна: нужно удивительное соединение в одном человеке слишком многих и слишком великих условий, чтоб он мог написать хорошую всеобщую историю: громадная эрудиция, широкие симпатии, многосторонность созерцания, высокое философское образование, соединенное с глубоким знанием людей и жизни, с верным тактом действительности, возвышенность и силу личного убеждения, носящего характер религиозный и соединенного с тою гуманною терпимостью, которая вытекает из живого сознания законов необходимости; наконец, великий художественный талант, в котором бы эпический элемент органически сливался с противоположным ему драматическим элементом. Для истории, в истинном значении этого слова, еще не настало время: переходные эпохи, когда старое или сокрушается с грохотом, или подтачивается медленно, а заря нового видна только немногим избранным, одаренным ясновидением будущего по темным для других приметам настоящего, – переходные эпохи, как

бесплодные и лишённые великих и живых верований, неблагоприятны для истории, как произведения науки и искусства вместе.

Между людьми, наиболее споспешествовавшими развитию истинного взгляда на историю, почетное место занимает человек, написавший одну преплохую историю и множество превосходных романов: мы говорим о Вальтере Скотте^[7]. Невежды провозгласили его романы незаконным плодом соединения истории с вымыслом^[8]. Очевидно, что в их узком понятии никак не могла склеиться история с вымыслом. Так, есть люди, которые никак не могут понять смысла оперы как художественного произведения, потому что в ней действующие лица не говорят, а поют, чего не бывает в действительности. Так, есть люди, которые считают за вздор стихи, справедливо замечая, что стихами-де никто не говорит. Разные бывают люди, и разные бывают роды узколюбия! Те, которых приводит в соблазн сочетание истории с романом, смотрят на историю, как на военную и дипломатическую хронику, и с этой точки зрения они, конечно, правы. Они не понимают, что история нравов, изменяющихся с каждым новым поколением, есть еще более интересная история, чем история войн и договоров, и что обновление нравов чрез обновление поколений есть одно из главных средств, которыми провидение ведет человечество к совершенству. Они не понимают, что историческая и частная жизнь людей так перемешаны и слиты между собою, как праздники с будня-

ми. Вальтер Скотт угадал это как гениальный человек – инстинктом. Знакомый с хрониками, он умел читать в них не только то, что написано в строках, но и между строками. В его романах толпятся люди, волнуются страсти, кипят интересы великие и малые, высокие и низкие, и во всем этом проявляется пафос эпохи, с удивительным искусством схваченный. Прочитать его роман значит прожить описанную им эпоху, сделаться на время современником изображенных им лиц, мыслить на время их мыслию, чувствовать их чувством. Он умел взглянуть как гениальный человек и на кровавые внутренние волнения древней Англии, волнения, в новой Англии принявшие форму консервативности и оппозиции, и открыл их смысл и значение в борьбе англосаксонского элемента с норманским. Вот почему Гизо называет Вальтера Скотта своим учителем в истории, и он сам объяснил источник французской революции результатом *тринадцативековой* борьбы между франкским и галльским элементами^[9]. В основании всеобщей истории должна лежать идея человечества как предмета единичного, индивидуального и личного. Задача всеобщей истории – начертать картину развития, через которое человечество из дикого состояния перешло в то, в каком мы его видим теперь. Это необходимо предполагает живую связь между современным и древним, теряющимся во мраке времен, – словом, предполагает непрерывающуюся нить, которая проходит через все события и связывает их между собою, давая им характер чего-то целого и единого.

Эта нить есть идея сознания, диалектически развивающегося в событиях, так что в них все последующее необходимо выходит из предыдущего, а все предыдущее служит источником последующему, точно так, как в логическом рассуждении одно умозаключение выходит из другого и рождает из себя третье. Эта истина очевидна; она доказывается тем, что многое в нашем веке было бы совершенно непонятно в отношении к своему происхождению, если бы мы не знали древней истории. Следя за судьбами человечества, мы в ряду исторических эпох его видим строгую, непрерываемую последовательность, так же как в событиях живую, органическую связь. Мы видим, что каждый человек, существуя для себя самого, в то же время существует для общества, среди которого родился; что он относится к этому обществу, как часть к целому, как член к телу, как растение к почве, которая и родит и питает его. Отсюда происходит, что каждый человек живет в духе этого общества, выражая собою его достоинства и недостатки, разделяя с ним его истины и заблуждения. Мы видим, что общество, как собрание множества людей, которые, несмотря на все различие свое один от другого, тем не менее в своем образе мыслей, чувств, верований имеют что-то общее, — есть нечто единое, органически целое, словом, что общество есть идеальная личность. Мы видим, что каждое общество (племя, народ, государство), живя для самого себя и своею собственною жизнью, как отдельный человек, в то же время живет для человечества и отно-

сится к нему, как часть к целому, как член к телу, как растение к почве, которая и родит и питает его своими соками. Как из разнообразия характеров, способностей и волей множества людей, разнообразия, впрочем, запечатленного чем-то общим, образуется органическое единство политического тела – народ или государство, так из разнообразия характеров народов образуется единство человечества. Каждый человек потому чем-нибудь отличается от всех других людей и наружно и внутренне, что только из разнообразия способностей образуется гармония совокупных действий; и каждый народ потому отличается более или менее от всех других, что должен в общую сокровищницу человечества принести свою лепту. В обществе один – земледelec, другой – ремесленник, третий – воин, четвертый – художник и так далее, каждый по своей способности и своему призванию, – и каждый по этому самому представляет собою необходимое колесо для движения общественной машины. То же и с народами в отношении к человечеству: в Египте возникли математические и естественные знания; Греция развила идею искусства и гражданской доблести, основанной на благородстве свободной любви к отечеству; Рим развил идею права и дал древнему миру гражданское устройство; евреи – по превосходству народ божий – были призваны провидением быть хранителями священного огня истинной веры в бога, той веры, которой основанием была *снедающая ревность по боге*; и из этого воистину избранного богом народа вышло спасение

мира, явился богочеловек, провозвестивший миру ту веру, которая не есть вера одного народа, но вера всех людей, и которая указала людям кланяться богу не в Иерусалиме только, но всюду и везде, *духом и истиною*^[10]. Древний мир окончил свое существование: не стало Греции, погиб жертвою варваров миродержавный Рим, и рассеялись по лицу земли остатки некогда любимого и избранного богом народа; казалось, настал конец миру, светильник просвещения угас навсегда, и варварство должно было поглотить человечество. Но на рубеже двух миров – умирающего древнего и возрождающегося нового, но в хаосе средних веков, этой эпохи дикого невежества, кровавых войн, беспорядка и смешения, не переставал раздаваться всемогущий глагол жизни: *да будет!* И бысть!..^[11] Новая вера укрепилась и распространилась по лицу лучшей части земли, политический беспорядок переродился в монархическое единство, муниципальная система городов, основанная римлянами в Испании, Галлии, Британии и Германии, удержалась и развилась; римское право сменило варварские законоположения, и, наконец, для Европы воскресли и мудрость, и искусство, и гуманные формы гражданской жизни древней Эллады! Ничто из прожитого человечеством не пропало втуне, но все сохранилось, чтоб ожить в новых, более сложных и полных формах, чтоб войти, подобно питательным сокам, в новое общественное тело и, присутствовавшему ему, утучнить его на новое здравие и новые силы! И даже теперь, в наш век, холодный и расчетли-

вый, положительный и мануфактурный, в наш век, в котором малодушие видит только гниение и близкую смерть и в котором действительно маленькими самолюбиями заменились великие страсти, а маленькими людьми – великие люди, – разве даже и в наш век развитие человечества остановилось? Да, если хотите, оно остановилось, но для того только, чтоб собраться с силами, запастись материальными средствами, которые столь же необходимы для него, как и духовные! И эти паровые машины, эти железные дороги, электрические телеграфы – все это что же такое, если не победа духа над грубою материею, если не предвестник близкого освобождения человека от материальных работ, унижающих душу и сокрушающих волю, от рабства нужды и вещественности! И однако ж еще нелепее было бы думать, что теперь развитие должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше идти не может. Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: «Стой, довольно, больше идти некуда!» То, что мы называем человечеством, не есть какая-нибудь реальная личность, ограниченная в самой духовности ее материальными условиями и живущая для того, чтоб умереть: человечество есть идеальная личность, для которой нет смерти, ибо умирают люди, но человечество не только от этого не умирает, даже не уменьшается. Человечество – это дух человеческий, а всякий дух бессмертен и вечен! И в чем же бы состояла вечная жизнь человечества, чем бы наполнилась она, если б ее развитие

остановилось навсегда? Жизнь только в движении; в покое – смерть. В чем будет состоять развитие человечества через тысячу лет? – подобный вопрос нелеп, потому что неразрешим. Но в эпоху всеобщего разложения элементов, которые дотоле составляли жизнь обществ, в эпоху отрицания старых начал, на которые опиралась эта жизнь, в эпоху всеобщей тоски по обновлении и всеобщего стремления к новому идеалу можно предчувствовать и даже предвидеть основание будущей эпохи, ибо самое отрицание указывает на требование, и разрушение старого всегда совершается чрез появление новых идей. Если до сих пор человечество достигло многого, это значит, что оно еще большего должно достигнуть в скорейшее время. Оно уже начало понимать, что оно – человечество: скоро захочет оно в самом деле сделаться человечеством...

Мысль гордая и великая! Нет более случайности: дух божий ведет и движет дух человеческий к его цели! Исторический фатализм – богохульство; живая вера в прогресс и – ее следствие – сознание своего человеческого достоинства: вот плоды изучения истории, вот великое значение великой науки!..

Отсюда видно важное значение исторического учебника. В жизни каждого человека бывает эпоха непосредственной восприимлемости идей и бывает эпоха, когда принятие новых идей или дальнейшее развитие старых возможно только на основании трудов первой эпохи. Слишком немногие спо-

собны, достигши возмужалости, понять истины самые простые и доступные в лета детства и юности, посвященные учению. Это оттого, что детство принимает на веру, непосредственно, те идеи, которые сначала кажутся отвлеченными, а потом, в более зрелом возрасте, получают характер осязаемой действительности, поверяются и развиваются сознанием. Кто учился истории в эпоху первой молодости, тот сперва непосредственно принимает в себя созерцание народа или человечества как идеальной личности. Для человека же, который начинает мыслить и учиться в эпоху возмужалости, подобные идеи иногда даются с большим напряжением ума и часто совсем не даются: ибо ум, не развитый учением и не сделавшийся оттого гибким в лета детства и юношества, делается грубым и не способным для принятия отвлеченных понятий; ему бывает доступно только материальным образом ясное и определенное. Но эта-то самая гибкость и нежная впечатлительность юных умов, которая так способствует быстрой и легкой восприимчивости идей и на которой основывается возможность усвоения содержания науки – истины, она же бывает и причиною огрубления способностей и бессилия постигать истину. Это зависит от того, *какие* истины впервые коснутся юного мозга и *каким образом* будут они ему переданы. Отсюда выходит великая важность всякого учебника, а следовательно, и исторического.

Исторический учебник, вопреки общепринятому ложному мнению, отнюдь не должен быть чужд всяких рассужде-

ний, предложенных от лица автора. Дело в том, чтоб эти рассуждения были уместны и заключали в себе столько же мыслей, сколько и слов. Они должны быть выразительны без многословия, сжаты без темноты, красноречивы без изысканности, сильны без напыщенности. Их цель должна быть – приучение молодого ума рассуждать без резонерства, мыслить без сухости и вникать не только в смысл, но и в поэзию великих мировых событий. Но еще большее умение автора исторического учебника должно состоять в том живом и вместе простом изложении событий, которое говорит прямо уму и фантазии и потому без труда удерживается памятью. Этого нельзя достигнуть иначе, как проведши живую мысль через всю нить событий, в отношении к целому построению учебника, и оживив мыслию каждое особое событие. Лица, играющие роль в событиях, не должны быть только историческими именами, но и историческими идеями; каждое из них должно быть показано и со стороны его собственной мысли, во имя которой оно действовало, и в отношении к общей идее народа, среди которого оно являлось, так, чтоб ученик понимал, что такое лицо, как, например, Алкивиад, возможно было только в Афинах, и такое, как, например, Марий, только в Риме, хотя оба эти лица были столько же друзьями, сколько и врагами своего отечества. Хороший исторический учебник не одними толкованиями (хотя и они необходимы в нем), но и самым тоном своего изложения должен прежде всего и больше всего научить уче-

ника – в каждом народе, отдельно взятом, и в целом человечестве видеть не статистические числа, не искусственные машины, не отвлеченные идеи, но живые организмы, идеальные личности, живущие вечным, непрерывным стремлением к сознанию самих себя. Без этого созерцания народа и человечества как идеальных личностей невозможна история как наука, ибо тогда она была бы наукою без содержания, повествованием без героя, сбором событий без связи и смысла. Понятие о *прогрессе* как источнике и цели исторического движения, производящего и рождающего события, должно быть прямым и непосредственным выводом из воззрения на народ и человечество как на идеальные личности. Но это движение и результат его – *прогресс* – должны быть определены и охарактеризованы как можно глубже и многостороннее. Есть люди, которые под прогрессом понимают только сознательное движение, производимое благородными деятелями, и, как скоро на сцене истории не видят таких деятелей, сейчас приходят в отчаяние, и их живая вера в провидение уступает место признанию враждебного рока, слепой случайности, дикого произвола. Такие люди во всяком материальном движении видят упадок и гниение общества, унижение человеческого достоинства, преклонившего колена перед тельцом златым и жертвенником Ваала. Есть другие люди, которые, напротив, думают, что общий прогресс может быть результатом только частных выгод, корыстного расчета и эгоистической деятельности нескольких сословий

на счет массы общества, и вследствие этого хлопочут из всех сил о фабриках, мануфактурах, торговле, железных дорогах, машинах, об основании обществ на акциях и тому подобных насущных и полезных предметах. Такие люди всякую высокую мысль, всякое великодушное чувствование, всякое благородное деяние считают донкихотством, мечтательностью, бесполезным брожением ума, потому что все это не дает процентов. Очевидно, это две крайности, которых больше всего должен опасаться составитель курса истории для преподавания юношеству. Первая крайность производит пустых идеалистов, высокопарных мечтателей, которые умны только в бесплодных теориях и чужды всякого практического такта. Вторая крайность производит сциентифических спекулянтов и торговцев, ограниченных и пошлых утилитаристов. Для избежания этих крайностей исторический учебник должен показать общество как предмет многосторонний, организм многосложный, который состоит из души и тела и в котором, следовательно, нравственная сторона должна быть тесно слита с практической и интересы духовные – с выгодами материальными. Общество тогда опирается на прочном основании, когда оно живет высокими верованиями – источником великих движений и великих деяний; в верованиях скрываются идеи; через распространение и обобщение идей общества двигаются вперед. Но идеи не летают по воздуху; они расходятся по мере успехов коммуникации между обществами, а коммуникации требуют путей материальных. От-

сюда великое нравственное значение, например, железных дорог, кроме их великого материального значения как средства к усилению материального благосостояния обществ. Историк должен показать, что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, – он навсегда остался бы в животном состоянии. Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм. Но эта истина не поведет ума дельного к разочарованию; дельный ум увидит в ней только доказательство того, что дух не гнушается никакими путями и побеждает материю ее же собственным содействием, ее же собственными средствами. И потому в истории являются необходимыми не одни герои добра и сердечного убеждения, но и честолюбивые эгоисты и даже самые злодеи; не одни Солоны, Аристиды и Тимолеоны, но и Пизистраты, Алкивиады, Филиппы и Александры Македонские; не одни Альфреды и Карлы Великие, но и Лудовики XI-е и Фердинанды Католики; не одни Генрихи IV-е и Петры Великие, но и Наполеоны. И все они равно работали одному и тому же духу человеческому, только одни сознательно, действуя для него и во имя его, а другие – бессознательно, действуя для себя самих, во имя своего я. И нигде, ни в чем не видно так ясно присутствия миродержавных судеб божиих, как в этом равномерном служении духу и добрых, и эгоистов, и злых,

в котором скептики видят неопровержимое доказательство, что человечеством правит слепой случай: ибо где же было бы обеспечение прогресса, порука за высокую цель, к которой стремится человечество, если б судьба народа или человечества зависела только от явления честолюбивых личностей, подверженных и смерти и всем случайностям? Напротив, так как источник прогресса есть сам же дух человеческий, который непрерывно живет, то есть непрерывно движется, то прогресс не прерывается даже в эпохи гниения и смерти обществ, ибо это гниение необходимо, как приготовление почвы для цвета новой жизни, и самая смерть в истории, как и в природе, есть только возродительница новой жизни. Развращение нравов в Западной Римской империи, достигшее до крайних пределов, возвестило конец древнего мира и приготовило торжество новой веры, под сень которой склонилось все, жаждавшее обновления и возрождения, – и Рим, столица языческого мира, сделался столицей христианского мира. Великие исторические личности суть только орудия в руках духа: их воля при них, но она, без ведома их, ограничена духом времени, страны и потребностями настоящей минуты и не выходит из этого магического круга. Когда же она прорывается через этот круг и расходится с высшею волею, тогда перед глазами изумленного человечества повторяется священное сказание о древнем Израиле, который охромел в борьбе с неведомым борцом...^[12] Самовольно отторгшаяся воля человека от воли духа сокрушается, как лист, падаю-

щий с дерева, действует ли она во благо или во зло. Еще и теперь живы поколения, свидетели падения сына судьбы, который, совершив свою миссию, не внял призыванию духа – и пал от бури, им самим воздвигнутой, пал не в слабости, не в истощении, не в утомлении, но в полноте сил своих, в зените своего могущества, – и его падением мир столько же был изумлен, сколько и он сам: так ясно видна была недоступная для телесных очей, но понятная разуму невидимая рука, поразившая его... Бывают в истории эпохи, когда, кажется, готова погаснуть в обществах последняя искра живительной идеи, когда вад миром царят ничтожество и эгоизм, когда, кажется, уже нет более спасения, – но тут-то и близко оно, – и готовая потухнуть слабая искра жизни вдруг вспыхивает морем пламени, – и осиянный ею мир дивится, откуда явилось его спасение...

Все эти идеи тем легче развить в историческом учебнике, что он весь состоит из фактов, которые не иное что, как проявление этих же самых идей. Следовательно, стоит только изложить их с настоящей точки зрения, чтоб идея говорила сама за себя. Мы должны сказать с сожалением, что новая история г. Смараглова далеко не удовлетворяет требованиям хорошего учебника, по нашему воззрению.

Прежде всего скажем, что самый объем ее не обнаруживает в авторе современного взгляда на новую историю. Как все наши авторы исторических учебников, не исключая и г. Кайданова, г. Смараглов разделяет новую историю на три пе-

риода – *религиозный, меркантильный и революционный*. Это разделение он имеет полное право считать основательным, с своей точки зрения; но мы удивляемся, как не заметил он, что в этом разделении новая история, если ее изложить соответственно с важностью и многосложностью фактов, является человеком с маленькими ножками и огромнейшею головою, или, если последний период изложить кратко, кое-как, – то уродцем с хвостиком вместо головы? Дело в том, что последний период совсем не принадлежит к новой истории, которая должна обнимать собою только время от конца XV века, или от открытия Америки, до конца XVIII века, или до французской революции, которая начинается собою *новейшую* историю, так же точно относящуюся к новой, как новая к средней. Ибо деление истории на периоды должно основываться не на произволе автора, не на привычке, а на духе событий. Справедливость нашего мнения доказывается тем, что если б г. Смарагдов события от французской революции продолжал излагать в тех же размерах, то есть с тою же подробностью, как и предшествовавшие события, то его книга вместо 611-ти страниц непременно должна была бы выйти разве в 1200 страниц. Но он события от революции изложил кое-как, сделал из них какой-то сухой перечень, в котором для не знающего истории из лучших источников, нежели история г. Смарагдова, все темно, непонятно, сбивчиво, бестолково; оттого вся новая история и уместилась у него в одной книге: чтоб вписать ее в эту книгу, он срезал с нее голову, присадив

на ее место набалдашник.

История человечества составляется из многих сторон: это есть вместе история и войн, и договоров, и финансов, и администрации, и права, и торговли, и изобретений, и наук, и искусств, и литературы, и нравов; но как политическое значение составляет главную форму жизни гражданских обществ и как борьба всех идей, составляющих основание духовной жизни обществ, доселе обнаруживалась в войнах, — то история человечества по преимуществу должна быть *политическою*. Однако ж история войн, договоров и правительств должна быть в этом случае только рамою для исторического повествования, рамою, обнимающею все стороны жизни народов и все идеи, развивавшиеся в их жизни. Но г. Смарагдов пошел в этом отношении по избитой колее и, только слегка обозначая причины войн, все свое внимание обращает на самые войны, то есть на малоинтересные перечни сражений. Так, например, он довольно подробно рассказывает все войны, порожденные *мечтою* о политическом равновесии Европы, — и весьма неудовлетворительно излагает картину реформации. На мечту о политическом равновесии Европы он смотрит, как на что-то важное по своему принципу и своим результатам; а между тем это было не более, как мечта, державшая государства Европы в непрерывном напряжении их сил. Лучшее доказательство в том, что результатом целого ряда кровопролитных войн за равновесие вышло совершенное неравновесие и что первостепенные

державы, каковы, например, Испания и Швеция, низошли в разряд второстепенных, а второстепенные, как Англия и Пруссия, возвысились на степень первостепенных. Нарушение равновесия видели не в успехах промышленности, торговли, просвещения, а в расширении владений, тогда как оно-то самое и было причиною расслабления *внешним образом* усиливавшегося государства: ибо соединение под одну властью разнородных и часто враждебных друг другу земель только умножало издержки на содержание войск в приобретенной стране и не давало в вознаграждение никаких существенных выгод, не говоря уже о том, что вовлекало в кровопролитные войны с завистливыми чуждыми государствами. Франция сделалась при Лудовке XIV первенствующим государством Европы не чрез завоевания, а через торжество монархизма над феодализмом, торжество, приготовленное кардиналом Ришелье, – и все войны, возженные честолюбием Лудовика XIV-го и стоившие Франции ужаснейшего истощения, не могли низвести это государство в разряд второстепенных держав: ибо оно уже успело укрепиться *изнутри* и не было слабее других государств ни в позорные времена регентства, ни в жалкое правление Лудовика XV, а при Наполеоне снова явилось сильнейшею державою в Европе; да и теперь, лишившись всех приобретений, сделанных Наполеоном, Франция едва ли слабее любого из европейских государств. Англия возвысилась тоже не завоеванием, а развитием внутренних своих сил, упрочением политического своего

устройства и эгоистической политикою, выходявшею прямо из ее национального характера. Величие Пруссии основалось на принципе протестантизма, принятого ею за принцип ее политической жизни, тогда как католическое начало сгубило Испанию своим угнетающим преобладанием над всеми другими элементами государственной жизни. Швеция своим мгновенным величием при Густаве-Адольфе, Карле X и Карле XII обязана была не внутренним своим силам, а личному характеру этих трех государей. Только одна Австрия сложилась силою внешних тяготений и утвердилась на искусственных основаниях, благодаря, во-первых, раздроблению Германии, во-вторых, своему значению, как тени империи Карла Великого, и, наконец, миссии – быть оплотом против вторжения турков. Во всяком случае, из странной игры в войны за политическое равновесие только Австрия извлекла для себя выгоды. Вообще же эти войны выходили, во-первых, из детских понятий о политике, во-вторых, из честолюбия тогдашних властителей Европы. Это сначала было какою-то борьбою еще не совсем умершего рыцарства с неустановившеюся новою политикою (войны Карла VIII, Лудовика XII и Франциска I с Испаниею и Австриею за Милан и Неаполь), а потом усилием выработать систему здоровой политики. Народам Европы нужно было перегореть в горниле кровавых столкновений друг с другом, и в этом случае всякая причина была хороша; но для равновесия не вышло из этих войн никаких результатов, потому что *гегемония* со стороны

какого бы то ни было государства была решительно невозможна. Г-н Смарагдов в войнах Франциска I с Карлом V видит характер величественный и благородный, видит борьбу за независимость Европы против габсбургского дома, а не продолжение итальянских войн (стр. 36); но уже одного личного характера Франциска I достаточно для решительного опровержения этого мнения. Франциск I был рыцарь, а не политик; если он и достиг каких-нибудь хороших результатов для общей пользы Европы, то совершенно бессознательно и стремясь совсем к другим целям. Вообще, до Генриха IV в Европе не являлось ни одного истинно государственного ума, ни одного политика в настоящем значении этого слова. Но политика Генриха IV, благотворная для Франции, не могла быть благотворною для Европы, потому что для своего времени она была слишком высока, благородна и человечна. По обширным планам, исполненным гениального соображения и верного такта возможности и действительности, первым истинно великим политиком Европы был кардинал Ришелье. Работая для своего времени, он работал для веков; он нанес ужасный и последний удар феодализму и заставил его выродиться в бессильную аристократию, трепетавшую потом одного взора Лудовика XIV. Войны за равновесие были не больше, как историческою комедиею, особенно до реформации, которая придала им другой, более важный характер. Но реформация явилась не в один же день с Лютером; она приготавливалась столетиями, и начало ее скры-

вається в середніх віках. За сто років до появи Лютера був сожжен Іоанн Гус і його сподвижник, Ієронім Прагський. Але і не тут ще почало ересей: в XII столітті, за двісті з лишком років до Іоанна Гуса, з тою ж метою заснував своє навчання Петр Вальдо, – навчання, що породило альбігойські війни. Реформа Лютера була не чим іншим, як удавана на кінець (тому що прийшло вже час) спроба справи, яку не вдалося ні Вальдо, ні Гусу. Але час італійських воєн, з 1494 по 1517 рік, був же зайнятий не одними походами французів в Італію, інтригами пап і протидією Іспанії: під цими зовнішніми подіями, які взагалі нецікаві і на яких вплив на наступні події небагато помітно, ховалася інша справа духа, менш помітна зовнішнім виглядом, тому що була менш блискучою, але тим більше суттєвою і великою за її значення і наслідки. Відкриття друкарства, що стало успіхом реформи, швидко поширилося і дало можливість обраним розумам діяти на маси. З'явлення Лютера, протестувавшего 95-ю тезисами проти продажу індульгенцій 1517 р., жовтня 31, передувало глухій, але тим не менш сильною і драматичною боротьбою, якою реформа була тільки розв'язкою. Крім цього подія відбулася Лютером не без допомоги інших видатних людей. Початок реформи сучасно великому моральному подію в житті Європи – *возрожденню науки*. Після взяття турками Константинополя (1453) мно-

жество византийцев оставили свое отечество и нашли убежище в Италии; они принесли с собою сокровища древних литератур в эту страну, издавна уже знакомую с латинскою литературою. Это обстоятельство дало сильный толчок просвещению Европы: классическая ученость вступила в бой с схоластицизмом средних веков. Германия, главное гнездо этого схоластицизма, в лице своих университетов, фанатически ополчилась на дух нового движения. Профессоры греческого и латинского языка были преследуемы, как еретики и безбожники. Они бегали из города в город, гибли от меча и яда. Несмотря на это, дух совершал свое дело, – и дикое невежество уступало ему шаг за шагом. Энтузиазм новой науки до того овладел новым поколением, что молодые люди – одни, не будучи в состоянии платить профессорам, поступали к ним в слуги; другие, презирая надзор полиции, не боясь холода, собирались по ночам в каком-нибудь отдаленном поле или в лесу, чтоб объяснять Цицерона, переводить Гомера. Университеты ожесточаются; у папы выманивается булла, запрещающая учиться еврейскому языку и читать еврейские книги; знаменитый и благородный ученый того времени, Рейхлин, едва не попадает на костер за свое знание древних и еврейского языков. Тогда является остроумный памфлет фон Гуттена – «*Litterae Obscurorum Virorum*»¹ [13], в котором дикое невежество и фанатизм с ядовитым искусством поражаются собственным их орудием. Это упрочило

¹ «Письма темных людей» (лат.). – *Ред.*

торжество просвещения в Европе. Гердер сказал, что ни Гудибрас^[14] в Англии, ни Гаргантюа во Франции, ни Дон Кихот в Испании не имели столь сильного влияния на совершенствование человечества, как письма Гуттена, сокрушившие последнюю ограду варварства – схоластицизм коллегий. Мы думаем, что подвиги и заслуги даже таких людей, каковы: Конрад Цельт, Герман Буший, Иоганн Реши, Эстикампиан, Гегий, учитель Эразма Роттердамского, Дрипагенберг, образователь Меланхтона, Агрикола и другие стоили бы почетного упоминования в историческом учебнике, хотя они и не полководцы. И еще более такие люди, как Рейхлии, Эразм Роттердамский, Гуттен: их значение, их борьба на жизнь и на смерть с варварством и их победы над ними – стоили бы в историческом учебнике изложения более обширного, нежели какое сделали мы в этих строках; ибо во всем этом в тысячу раз более интереса и важности, чем в пустых подробностях пустых итальянских войн. Но обо всем этом у г. Смарагдова ни слова: он описывает только то, что было уже описано г. Кайдановым. Мы не говорим, чтоб итальянские войны должно было пройти молчанием: нет, рама политических событий пусть остается рамою и *сжато* излагается в параграфах крупной печати; но события, ознаменованные внутренним смыслом, события, без которых непонятно движение человечества, пусть излагаются *подробнее* в параграфах мелкой печати. Г-н Смарагдов не почел за нужное даже прибегнуть к этому необходимому в учебной книге разнообразию

шрифтов.

Вообще, в новой истории г. Смараглова мы находим, например, историю Тридцатилетней войны, Вестфальского мира и так далее – все то же и все так же, как и у г. Кайда-нова, ни больше, ни меньше, ни лучше, ни хуже; но не находим развития человечества, причины прогресса и даже самого прогресса. Герои истории, как, например, Валленштейн, Густав-Адольф, Ришелье и пр., очерчены слабо и бесцветно. Нам скажут: учебник не то, что пространная история; в нем главное – сущность и дело, а не поэзия. Старые песни, которые убедительны только для лениости, невежества и бесталанности! Для доказательства отсылаем подобных возражателей к книге, напечатанной на русском языке и русскими буквами, к «Истории средних веков» г. Лоренца, и просим прочесть в ней, например, изложение царствования Карла Великого:^[15] это будет полезно, чтоб убедиться, что глубокая эрудиция и в высшей степени дельное изложение фактов ни-сколько не мешает той поэзии повествования, которая выходит сама собою из живого созерцания идеи событий...

Но все это было бы еще туда-сюда. Обыкновенно говорят, что конец венчает дело, а конец-то никуда и не годится у Смараглова.

История Наполеона у него – решительный памфлет. Можно подумать, что г. Смарагдов рассказывает современные события, для которых невозможно спокойное беспристрастие. Поступки Наполеона он называет то дерзкими, то наглыми,

то отвратительными – словом, решительно ругается... В египетской экспедиции он приписывает Наполеону бесчеловечные поступки; короче, по его мнению, такого ужасного человека, как Наполеон, и свет не производил... Sic transit gloria mundi!..² А говоря о смерти герцога Брауншвенгского, он заставляет его оканчивать долговременное поприще славы, вероятно, приобретенной в знаменитом походе против Франции в 1792 году...^[16] Et voila comme oil escrit l'histoire!..³

Новая история г. Смарагдова полнее всех бывших до нее историй: она доведена до 1839 года. Это было бы большою с ее стороны заслугою, если бы, чем ближе к концу, тем больше не становилась она сухим перечнем, из которого ничего нельзя узнать. Надеемся, что при втором издании своей «Новой истории» г. Смарагдов значительно ее исправит. Мы думаем, что он еще бы лучше сделал, если б эту уничтожил совсем и написал совершенно новую...

² Так проходит земная слава!.. (лат.) – *Ред.*

³ Вот как пишется история!.. (фр.) – *Ред.*

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1960.

БАН – Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Добролюбов – Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 1–9. М. – Л., 1961–1964.

Киреевский – Полн. собр. соч. И. В. Киреевского в двух томах под редакцией М. Гершензона. М., 1911.

КСсБ – В. Г. Белинский. Соч., ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КСсБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в

данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Ломоносов – М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 1–10. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1950–1959.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПссБ – Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч., т. I–XVI. М., Изд-во АН СССР, 1937–1949.

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым...

Впервые – «Отечественные записки», 1844, т. XXXVI, № 9, отд. V «Критика», с. 1–19 (ц. р. 30 августа; вып. в свет 1 сентября). Без подписи. Авторство – ПссБ, т. XII, с. 446–470, 555–556, примеч. 62.

С. Н. Смарагдов – адъюнкт-профессор Александровского лицея, автор нескольких учебников по всеобщей истории для средних учебных заведений, вышедших в 1840-х гг. и за-

тем неоднократно переиздававшихся. Эти учебники, при отдельных достоинствах их, в целом освещали исторические события, особенно нового времени, в казенно-монархическом духе. Они не раз служили позднее предметом насмешек со стороны русской демократической критики.

Белинский отозвался на все три основных учебника, составленных Смарагдовым. Рецензия на «Руководство к познанию древней истории» – в «Отечественных записках» 1840 г. (см. наст. изд., т. 3, с. 429–431), на «Руководство к познанию средней истории» – в «Отечественных записках» 1841 г. (Белинский, АН СССР, т. V, с. 486–491). Отзыв на первый учебник был в целом положительным; по поводу второго также говорилось, что у русских средних учебных заведений «теперь есть руководство к истории, лучше какого пока и требовать нельзя». В рецензии 1841 года выражалось желание, чтобы автор «скорее издал новую историю и тем навсегда освободил наше несчастное юношество от безобразных и бессмысленных компиляций, представив им руководство, отличающееся европейскими достоинствами». Тем более суровой и в некотором отношении уничтожающей оценкой был встречен критиком учебник новой истории по его выходе. В данной статье Белинский отмечает, что книга «далеко не удовлетворяет требованиям хорошего учебника, по нашему воззрению», что в ней нет «современного взгляда на историю». Неудовлетворительной признается принятая автором периодизация европейской истории, при которой но-

вейшей истории, начиная с французской революции конца XVIII века, уделяется несоразмерно мало внимания, а история внутреннего развития европейских стран подменяется: внешним перечнем войн, договоров и т. д. Критик высмеивает реакционные оценки, даваемые автором некоторым событиям и деятелям эпохи французской революции, и т. д. Закljučая статью, Белинский пишет, что автор лучше бы сделал, если бы эту книгу «уничтожил совсем и написал совершенно новую».

Белинский воспользовался разбором учебника, чтобы вновь изложить свой взгляд на «историю как современную науку» (см. об этом во вступительной статье).

Статья примыкает к двум предшествующим статьям Белинского на историческую тему – о «Руководстве к всеобщей истории» Ф. Лоренца (наст. изд., т. 4) и об «Истории Малороссии» Н. Марковича (наст. изд., т. 5) – и развивает их основные положения. Во всех трех статьях достаточно прозрачно для подцензурной печати высказана мысль о необходимом социалистическом переустройстве общества в будущем. Современный период рассматривается – это нередко является у Белинского в статьях середины 1840-х гг. – как период переходный, когда человечество «уже начало понимать, что оно – человечество». И «скоро захочет оно, – по словам Белинского, – в самом деле сделаться человечеством». С этого момента начнется «история, в истинном значении этого слова».

В отдельных сторонах воззрений Белинского на развитие общества и непрерывность прогресса прослеживаются идеи, восходящие к «Философии истории» Гегеля (особенно к введению к ней), к некоторым общим идеям французского социалиста Пьера Леру, например, к его учению о соотношении понятия «человек – человечество» («l'homme – l'humanité»), непрерывности прогресса человечества, когда один народ подхватывает и развивает то, что зародилось в другом. Однако общее направление этих исторических построений Белинского свободно и от социальной ограниченности конечных выводов немецкого философа, и от налета мифических верований и христианских иллюзий, столь характерных для социализма Леру. Важно отметить, что в понимании исторического прогресса, как оно дано в этой статье, не только подчеркнута многосторонность, всеобъемлемость и диалектический характер общественного прогресса, но при этом выделяется значение совершенствования и изменения материальных условий жизни людей для развития общества. Для современного периода Белинский особенно подчеркивает роль промышленного развития в общем движении к лучшему будущему человечества.

Цензурная история этой статьи неизвестна, но есть основания предполагать, что в ходе подготовки к печати она подвергалась отдельным сокращениям.

Комментарии

1.

Т. Н. Грановский в рецензии на «Руководство к познанию средней истории» («Москвитянин», 1841, ч. VI, отд. IV, с. 428–432).

2.

Имеются в виду скептические суждения о философии и насмешки над ней О. И. Сенковского в «Библиотеке для чтения». Белинский подробно писал об этом в конце третьей статьи 1842 г. по поводу «Речи о критике» А. Никитенко (см. наст. изд., т. 5, с. 122 и сл.).

3.

Мысль, следовательно, существую (лат. *Cogito ergo sum*) – исходное положение в философии рационализма Р. Декарта.

4.

Ср. в конце гл. V первого тома «Мертвых душ»: «Затейливо придумает свое, не всякому доступное умнохудощавое слово немец». Здесь Белинский имеет в виду тех, кто нападал на «Отечественные записки» по случаю употребления там повой философской терминологии («Северную пчелу», «Сын отечества» и др.). Приводимое высказывание Гегеля по содержанию (но не по форме словесного выражения) находит соответствия в ряде его

произведений. Ср., например, в «Философии истории»: «Благодаря мышлению мы отличаемся от животного и в ощущении, в знании и в познании, в стремлениях и в воле, поскольку они являются человеческими, содержится мышление» (Гегель. Соч., т. VIII. М. – Л., 1935, с. 9–10). Приведенная в статье формулировка, видимо, опирается на записи лекций Гегеля или конспекты его произведений, сделанные друзьями Белинского.

5.

«Рассуждение о всеобщей истории» («Discours sur l'Hisloire universelle». P., 1681) епископа Жана-Бенина Боссюэ.

6.

Вероятно, имеются в виду труды: K. von Rotteck. Allgemeine Geschichte von Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten» («Всеобщая история с начала исторических известий до нашего времени», в 9-ти томах, 1813–1818); F. Schlosser. Weltgeschichte in zusammenhingender Erzählung («Всемирная история в связном изложении», в 9-ти томах, 1817–1841).

7.

Имеется, вероятно, в виду «Жизнь Наполеона Бонапарта» («The life of Napoleon Buonaparte», vol. 1–9. P., 1827); русский перевод: СПб., 1831–1832. В. Скотту

принадлежали и некоторые другие исторические сочинения (например, «История Шотландии»; русский перевод: СПб., 1831).

8.

Имеется в виду О. И. Сенковский, который писал: «Исторический роман, по-моему, есть побочный сынок без роду, без племени, плод соблазнительного прелюбодеяния истории с воображением» («Библиотека для чтения», 1834, т. II, отд. V, с. 14; статья о романе Ф. В. Булгарина «Мазепа»).

9.

Имеется в виду книга Ф. Гизо «О правительстве во Франции после Реставрации и о современном министерстве» (1820).

10.

Курсивом дважды выделены слова библейского источника; речь идет об иудаизме.

11.

См. статью «Россия до Петра Великого» и примеч. 15 к ней, наст. изд., т. 4, с. 12 и 547–548.

12.

Речь идет о судьбе Наполеона I в сопоставлении с библейским рассказом («Книга Бытия», 32) о ночном

единоборстве Иакова с богом, не узнанным им; бог повредил ему в этом единоборстве бедро.

13.

«Письма темных людей» («Epistolae (у Белинского ошибочно: Litterae) obscurorum virorum»), изданные анонимно в Германии в 1515–1517 гг. Написаны немецкими гуманистами К. Рубианом, Г. Бушем и У. фон Гуттенем на латинском языке, направлены против папской власти, католичества и обскурантов-теологов.

14.

Краткая и не вполне точная передача сказанного о «Письмах темных людей» в статье Гердера «Гуттен» (первоначально – в журнале «Der Deutsche Merkur» («Немецкий Меркурий»), 1773, № 3). См.: «Herders Sammt-liche Werke. Hrsg. von V. Suphan». Bd. 9. В., 1892, S. 482. Гудибрас — сатирический образ судьи-пресвитерианца в одноименной бурлескной комедии С. Батлера.

15.

Речь идет о первом отделении второй части «Руководства к всеобщей истории» Ф. Лоренца (СПб., 1844), где изложены события от времени Августа до крестовых походов. См. в рецензии на нее (Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 226): «Особенно мастерски представлены преобразование

древнего мира, эпоха Карла Великого и борьба папизма с светской властью».

16.

В учебнике Смагардова (с. 447) об окончании «долговременного поприща славы» герцогом Брауншвейгским Карлом Вильгельмом Фердинандом, главнокомандующим австро-прусскими войсками в войне против революционной Франции, говорится при упоминании о замене его в 1794 г. на посту главнокомандующего прусской армией генералом Меллендорфом. Ирония Белинского имеет в виду предшествовавшую этому битву при Вальми 20 сентября 1792 г., когда прусские войска были разбиты французами. Умер герцог Брауншвейгский в результате смертельного ранения в битве при Ауэрштадте 10 ноября 1806 г., в которой прусская армия была разгромлена войсками Наполеона I.